А. Б. СТАРОСТИНА

Старостина Аглая Борисовна
кандидат философских наук
Лаборатория востоковедения,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: abstarostina@gmail.com

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ В «ЗАПИСЯХ ОБ ИЗУЧЕНИИ ДУХОВ» СЮЙ СЮАНЯ (X ВЕК)

Аннотация. В статье разбираются особенности рассказов о животных в одном из наиболее известных раннесунских сборников сюжетной прозы. Дана первичная классификация животных как персонажей рассказов. Сюжеты рассказов разбиты на несколько групп в зависимости от того, в какие отношения с человеком вступает животное. Обилие сюжетов о воздаянии и предзнаменованиях позволяет сделать вывод о сочетании буддийских и конфуцианских элементов в мировоззрении составителя.

Ключевые слова: «Цзи шэнь лу», Пять династий, фольклор, буддизм, конфуцианство, средневековая китайская литература

Книга, известная под названием «Записи об изучении духов» («Цзи шэнь лу»), принадлежит перу Сюй Сюаня (916–991), государственного деятеля, писателя и филолога, который участвовал в составлении знаменитого свода «Обширные записи годов Тайпин» («Тай пин гуан цзи»). Это сборник повествований о необычных явлениях; образующие его фрагменты могут включать два-три предложения, а могут и представлять собой развернутые, на одну-две страницы повествования с не самым простым сюжетом.

Система, по которой строился изначальный текст сборника, пока не вполне понятна; неизвестны в точности и различия между его ранними редакциями. Поэтому невозможно полностью воссоздать логику повествования и понять первоначальный авторский замысел (вся работа со сборни-

© А. Б. СТАРОСТИНА

ком ведется по восстановленным текстам, поскольку авторская версия не сохранилась). Сюй Сюань, профессиональный и карьерный конфуцианец, тем не менее живо интересуется даосизмом, а его взгляды на неминуемое воздаяние и особая нелюбовь к людям, жестоко обращающимся с животными, выдают симпатию к буддизму. Это заметит любой читатель, но в действительности мировоззрение автора — мастера-прозаика, внимательного собирателя фольклора, чиновника, жившего на стыке эпох, служившего не в одном регионе и не при одной династии, бывшего свидетелем многих драматичных событий — еще не реконструировано даже в некотором приближении.

Сюй Сюань, как было сказано выше, был одним из составителей «Тай пин гуан цзи» и с разрешения главы редакции Ли Фана включил в свод большую часть своих рассказов. Нынешние редакции сборника представляют собой отредактированные контаминации рассказов, извлеченных из «Тай пин гуан цзи», с некоторыми добавлениями. Если их подлинность по большей части сомнений не вызывает, то структура первых редакций «Цзи шэнь лу» как раз неизвестна. Существующие в настоящее время версии включают шесть *цзюаней* (томов) основного текста, а также один дополнительный (более новые — два). Тексты внутри *цзюаней* сгруппированы тематически, хотя в ряде случаев реконструкция порядка текстов кажется спорной. В данной работе за основу взято издание «Чжунхуа шуцзюй» 1996 г. под редакцией и с комментариями Бай Хуавэня [Сюй 1996].

К материалам «Записей об изучении духов» неоднократно обращались исследователи средневекового китайского фольклора, истории религий и истории повседневности. Тем не менее эта книга как целое в мировой синологии изучена недостаточно. Некоторую роль в этом сыграл такой влиятельный критик как Лу Синь, невысоко ставивший художественное мастерство Сюй Сюаня, который, по его словам, «потерял простоту, присущую *чжигуай*[1] Шести династий, и вместе с тем не обрел занимательности, свойственной танским новеллам» [Лу 1998: 64]. Вкусы меняются; возможно, в первой четверти XX в., когда жил Лу Синь, тревожные и эклектичные «Записи…» не были созвучны устремлениям прогрессивной китайской интеллигенции, но наше время, как кажется, уже способно оценить их глубокую историчность и наконец прочесть послание из эпохи Пяти династий.

Для выявления особенностей авторского мировоззрения следует изучить буддийские и конфуцианские компоненты его взглядов, а также влияние на них народной религии. В прямой связи с этим стоит и задача выделения в тексте фольклорных и авторских элементов, для решения которой необходим анализ сюжетов, мотивов, из которых складываются эти сюжеты, и всей образной системы книги. Кроме того, в перспективе нужно учитывать региональную и временну́ю специфику и сравнивать сюжеты,

[1] *Чжигуай* — «повествования об удивительном»: так в историографии обозначают короткие рассказы о сверхъестественном, созданные в Китае в III–VI вв..

которые привязаны к определенному региону, со схожими сюжетами в танской и более поздней прозе.

Данная статья посвящена предварительному анализу рассказов из «Цзи шэнь лу», в сюжете которых определяющую роль играют животные, обычные или чудесные. Цель статьи — подбор материала для более обширного исследования всего сборника.

Функции животных и основные сюжетные матрицы

Животный мир в сборнике представлен широко: в нем содержится несколько десятков рассказов о коровах, лошадях, собаках, курах, кошках, мышах, змеях, оленях, пчелах, зайцах, рыбах, обезьянах разных пород, летучих мышах, черепахах, аллигаторах, различных драконах и даже о нескольких не поименованных автором и, насколько известно, не описанных ранее чудищах. Есть и несколько сюжетов о волосатых людях, которые находятся на границе мира людей и мира животных и при этом обладают некоторыми сверхъестественными способностями. Набор сюжетных матриц, в которых существенную роль играют животные, в «Цзи шэнь лу» невелик. В функциональном отношении участвующих в них животных можно разделить на следующие разряды:

1) животные со страдательной ролью; их приносят в жертву, просто убивают, едят (в этот пункт входят и чудесные, и обычные животные);

2) животные — злокозненные оборотни;

3) животные-оборотни — доброжелательные или нейтральные по отношению к человеку;

4) животные-знаки: а) предвестники будущего, б) воплощения кладов;

5) обычные животные, в силу присущих им от природы способностей указывающие человеку на наличие какого-то сверхъестественного предмета или явления;

6) чудесные животные, не вступающие во взаимодействие с человеком.

Рассмотрим вначале четыре первых разновидности, т. е. животных, которые вступают во взаимодействие с человеком. Во втором и третьем случаях инициаторами взаимодействия могут быть обе стороны; в первом — естественно, только человек; в четвертом — только животное (если быть более точным, не оно само, так как самостью такое животное практически не обладает, а стоящая за ним сила — Небо).

Сначала разберем первую, вторую и третью разновидности. Такие животные — обычные персонажи рассказов, повествующих о воздаянии. Нанесение другой стороне (человеку или зверю) немотивированного вреда в большинстве случаев оказывается отмщенным (существуют разные варианты: обеспечить возмездие может и сам обиженный, в случае с животными — существо той же породы, и — чаще — непосредственно порядок вещей).

Следует оговорить, что есть ряд ситуаций, в которых человек может убить животное, не причинившее ему вреда, и не быть наказанным за это; напротив, он может даже получить некие блага: так, в первом рассказе второго *цзюаня* («Фиолетовый камень») сборщик хвороста убивает оленя и находит в его брюхе волшебный камень (охота ради пропитания — древнее и почтенное занятие). Олень для рассказчика явно имеет ценность не бóльшую, чем пресловутая утка, содержащая яйцо с Кощеевой смертью. Он воспринимается как подлежащее уничтожению обрамление жемчужины-талисмана. В сущности это история об обретении вещи, гарантирующей удачу и благосостояние, параллельная, например, рассказу о древнем мече из этого же сборника:

> Шоучуньский мясник Чжэн Цзю был очень беден. Как-то ему приснилось, что некто ‹…› говорит ему: «Если ты раскопаешь землю в восточной части дома, то сможешь взять мой драгоценный меч и разбогатеть» ‹…› Цзю сделал, как было велено, и действительно нашел меч. Прошел год, и семья его разбогатела. После Цзю рассказал кому-то об этом случае, и меч потерялся («Чжэн Цзю», цз. 1, № 3).

В рассказе «Человек из Шучжоу» (цз. 2, № 3) путник в горах Цяньшань убивает большую змею и получает возможность делаться невидимым. Он руководствуется инстинктом самосохранения и поэтому не должен понести наказание за свои действия. Сюда же можно отнести сюжет о человеке, который не распознал ценности спрятанного в камне странного насекомого и выбросил его, не подвергшись за это никакому наказанию («Золотой шелкопряд», цз. 1, № 17). Перечисленные рассказы не связаны с темой воздаяния; упомянутые в них животные воспринимаются как знаки удачи и благой судьбы. Они относятся, таким образом, к четвертой разновидности и близки к повествованиям о кладах, о которых речь пойдет ниже.

Рассказы же, главной темой которых является воздаяние за проступки, часто кончаются смертью виновного. Например, муж одной из женщин, похищенных павианом-колдуном, в конце концов убивает этого оборотня («Старый павиан крадет женщин», цз. 8, № 44[2]); жестокий фокусник из Аньлу, поедавший ядовитых змей сырыми, через несколько лет укушен непобедимой змеей, которую ему передали от некоего духа («Человек из Аньлу», цз. 2, № 7); буддийский монах, при строительстве храма Милосердной гармонии цинично убивший тысячи земляных червей, умирает от нарывов, в каждом из которых нашли дохлого червя («Нарывы с червяками», цз. 4, № 28); убийца безвредного волосатого человека, представившегося горным духом, вскоре умирает сам («Бао Хуэй», цз. 6, № 13), и т.п. В то же время новый хозяин дома по праву убивает мышей, препятство-

[2] Эта история представляет собой краткий фантазийный пересказ известной анонимной танской новеллы «Белая обезьяна» (ср. русский перевод А. Тишкова: [Танские 1960: 30–34]).

вавших ему поселиться в доме («Су, помощник генерал-губернатора», цз. 2, № 19). Кстати, в другом месте сборника не притронувшийся к пугавшим его мышам-оборотням человек, напротив, вскоре умер, по всей видимости из-за того, что оказался не в состоянии адекватно отреагировать на их действия («Человек из Цзянькана», цз. 2, № 16)[3].

В зависимости от проступка, степени его сознательности и раскаяния возможен и более мягкий вариант воздаяния. Дракон, потревоженный в своей норе, насылает на округу чрезмерно обильные дожди («Старец Лю», цз. 4, № 26). Ма Цзюй, который по случайности ударил дубинкой сына создания, предоставившего ему кров, отделывается всего лишь гневным выговором («Ма Цзюй», цз. 8, № 12). Человек, придавивший ножкой кровати черепаху, трижды видит сон, в котором некто в черном просит не давить его, и, догадавшись, в чем дело, отодвигает кровать, тем дело и кончается («Янь Цзюйцзин», цз. 3, № 24). Конь, уронивший своего хозяина в ответственный момент, сознательно отказывается от пищи, пока его не прощают, и тем самым парадоксальным образом избегает смерти («Чэнь Чжан», цз. 2, № 11).

В число рассказов о воздаянии следует включить сюжеты о животных-перерожденцах: здесь это люди, вынужденные возвращать долги в своем новом воплощении. Единственный рассказ о перерождении в образе животного, не связанный с мотивом возвращения долгов («Старушка Ван», цз. 2, № 10), представляет собой, по сути, неразвернутое сообщение о «странном случае»: мы не знаем, что было причиной рождения старушки в виде теленка, и можем только предполагать, что каким-то образом она задолжала семье хозяев коровы — матери теленка — то количество ткани, которое велела заплатить в качестве выкупа своему сыну.

Особняком стоит рассказ «Лю Цунь» (цз. 5, № 8), в котором животные не вполне ясным образом (возможно, текст поврежден) являются средством отмщения. Это призрачные кони, которые возникают, когда правитель округа по просьбе души своего двоюродного брата изображает их на бумаге и затем сжигает.

Есть в «Цзи шэнь лу» и рассказы о благодарных животных. Их удалось найти всего три, при этом благодарность здесь проявляется в форме признательности за хозяйское или родительское попечение. Во-первых, этот мотив встречается в упомянутой выше истории о совестливом коне («Чэнь Чжан», цз. 2, № 11), в которой конь умирает от горя через месяц после смерти хозяина. Второй случай — вариация легенды о Драконовой матушке[4], где рожденный и выращенный девушкой-человеком карп оказывает ей все возможные знаки сыновней почтительности («Девица из семьи Ши»,

[3] Внешне эта история похожа на одну из группы о предзнаменованиях, но ее логическая близость к предыдущей заставляет видеть в ней скорее рассказ о несбывшемся воздаянии (мыши-оборотни остаются безнаказанными).

[4] Представления о Драконовой матушке описаны в нашей заметке «Дуань-вэй-лун» [Георгиевский 2014: 240–241].

цз. 3, № 22). Кроткое послушание свойственно и гусю, который, чувствуя, что его собираются зарезать на следующий день, просит товарищей присмотреть за его детьми («Человек из Пингу», цз. 8, № 27).

Вторая и третья разновидности животных также встречаются в сюжетах, где никакого воздаяния за свои неспровоцированные доброжелательные или, напротив, вредительские действия они не получают. Их действия, направленные на человека, могут быть и нейтральными с точки зрения героя. Во всех этих случаях автор просто фиксирует поведение оборотней. Таковы рассказы «Чэнь Бао» (цз. 8, № 22) о тигре — спутнике демонической дамы, задравшем девушку-служанку, о белой черепахе, которая снилась семье красильщика («Красильщик», цз. 8, № 28). В изящной мрачной истории об ожившей кошке, напоминающей фрагмент из «Кладбища домашних животных» Стивена Кинга, странная кошка становится виновницей гибели своего хозяина и безнаказанно исчезает («Продавец уксуса», цз. 2, № 15). Добрые пчелы безвозмездно дают ночлег студенту и излечивают его от прострела («Пчелиные яства», цз. 4, № 29).

Четвертая разновидность — животные, которые ведут себя необычно или выглядят необычно, воспринимаются как волшебные существа и при этом либо знаменуют некоторое событие в будущем, либо указывают на наличие поблизости клада. Они могут вступать во взаимодействие с людьми по собственной инициативе. Здесь законы воздаяния не действуют: в случае, если предзнаменование дурное, никакой ответственности животное не несет, выступая, в сущности, не как живое существо, а как знак. Точно так же не требует оно и благодарности, если послужило добрым предзнаменованием.

Ряд рассказов просто сообщает о появлении предзнаменования и о том, что оно означало («Чжу Цунбэнь», цз. 4, № 10; «Ма Сифань», цз. 4, № 31).

Человек, не распознавший природы события, рискует превратить добрый знак в дурной, как в истории о лошади со светящимся пятном над хвостом, которой отрубил голову встревоженный хозяин («Сунь Ханьвэй», цз. 2, № 13). И, напротив, заведомо дурное предзнаменование можно превратить в доброе. Особенно наглядны в этом отношении рассказы «Лу Сун» (цз. 2, № 17) и «Господин Яо» (цз. 4, № 14). Прислужник в храме императорских предков Лу Сун, когда посуда в его доме начала издавать непредусмотренные звуки, а мыши заплакали, поступил профессионально: принес очагу жертвы, и они были приняты, а с ним не случилось ничего плохого (единственным следствием упомянутых событий стало его перемещение на другую должность и в связи с этим — переезд). Господин Яо, когда его уведомили о том, что появление морского волосатого человека предвещает беду, и посоветовали убить чудище, напротив, решил отпустить его, предварительно попросив о помощи. Следствием выбора героя становится устранение неприятностей, которые грозили ему из-за нехватки рыбы для ежегодного подношения двору.

Что касается кладов, надо сказать, что в большинстве случаев в книге их воплощениями выступают люди в желтом или в белом. Возможность говорить о существовании в художественном мире Сюй Сюаня животных-кладов нам дает рассказ «Сюй Чжунбао», где клад является сначала как белая нефритовая бабочка, а потом как живая белая птичка (цз. 5, № 24), а также, возможно, не совсем типичный рассказ «Господин Син» (цз. 5, № 25), в котором спрятанные деньги превращаются в каменную черепаху.

Для этого класса животных главная и иногда даже единственная функция — о б о з н а ч е н и е. Животные из следующей, пятой, группы тоже о б о з н а ч а ю т наличие некоего необычного явления или предмета, однако люди не считают их оборотнями или другими волшебными существами, правильно (с точки зрения Сюй Сюаня) интерпретируя их необычное поведение как проявление некоторого врожденного инстинкта. В качестве примеров можно привести рассказы «Камень, на который лаяли собаки» (цз. 1, № 15) — о загадочном камне, упавшем с вершины горы, на который лаяли все собаки в деревне, и «Чжан Юань» (цз. 2, № 29), где последствием встречи героя с демоницей на мосту стало то, что его конь спотыкался каждый раз, когда переходил этот мост. Возможно, к этой группе стоит отнести черепаху, которая из-под земли сигнализировала людям о том, что ей нужно переместиться, лишив способности двигаться монахиню («Ли Цзун», цз. 3, № 26). В таком случае здесь о б о з н а ч а е м ы й необычный предмет совпадает с о б о з н а ч а е м ы м животным.

Теперь остановимся на рассказах, где животные с людьми не взаимодействуют. По большей части это краткие записи, более близкие к заметкам типа *бицзи*, чем к сюжетной прозе. В них животное только п о к а з ы в а е т с я людям, вольно или невольно.

К таким историям следует причислить рассказ «Ян Май» (цз. 2, № 2), повествующий о привидении-зайце. Это в своем роде уникальный сюжет; в настоящее время известно крайне мало других упоминаний о призраках мертвых животных в древней или средневековой сюжетной прозе Китая. Я. де Гроот в «Религиозной системе Китая» (в начале 5-й главы раздела, посвященного демонологии) цитирует пассаж Сюй Сюаня о зайце и рядом с ним приводит фрагмент из «Записок о поисках духов» Гань Бао (IV в.), где говорится о том, как визионер увидел призрак гуся («Соу шэнь цзи», цз. 2, № 10, ср. также [Гань 1994: 75]). Эти два текста призваны служить предисловием ко всей обширной главе; таким образом, де Гроот причисляет и гуся, и зайца к классу *animals-devils* (также *animals-demons*) [de Groot 1907: 542–544]. Ничего подобного призракам гуся и зайца далее в главе не описывается: часть упомянутых там животных можно правомерно отнести к оборотням, а остальные обладают способностью вселяться в людей и манипулировать их действиями, но и те и другие проделывают это при жизни, ни в каком смысле слова не будучи призраками. Был ли рассказ о встрече с призраком зайца плодом собственной фантазии Ян Мая или Сюй Сюаня

или подобные «охотничьи» сюжеты действительно бытовали в Китае периода Пяти династий, с определенностью пока сказать нельзя.

Остальные включенные в «Цзи шэнь лу» записи подобного рода тоже достаточно оригинальны. Так, не находит аналогов образ обнаруженной в бамбуковой верше и вновь отпущенной в море руки с лицом на ладони («Человек с морского побережья», цз. 8, № 29). В рассказе «Тан Даоси» (цз. 2, № 14) герой наблюдает за превращением своей кошки в дракона без каких-либо последствий для себя. Стоит заметить, что известия о превращении в дракона собаки (или временной маскировки дракона под обличье собаки) встречаются, например, в танской прозе; подобный сюжет можно найти и в «Цзи шэнь лу» («Монастырь Сладкой росы», цз. 1, № 13). Но кошка в этой роли обнаруживается, кажется, только здесь. Во фрагменте под названием «Едящий тигров» (цз. 2, № 8) скупо описан некий крупный хищник из семейства кошачьих, способный оставить от тигра небольшую кучку костей.

Отдельную группу среди множества таких заметок составляют наблюдения над взаимодействием сверхъестественных существ, никак не влияющим на человеческий мир. В этом отношении интересна история о мышах-оборотнях, которые горевали, предвидя свою гибель от когтей кота по кличке Белый старец («Лу Шу», цз. 2, № 20): эпизод из мышиной жизни подсмотрен досужим наблюдателем, сами мыши не имеют никакого желания вмешиваться в людские дела, как и их антагонист — кот. В рассказе «Бьет плетью быков» (цз. 2, № 9) местный житель обнаруживает на берегу Янцзы великана, загоняющего под воду волшебных буйволов. В заметке под названием «Женщина в волнах» (цз. 8, № 36) странное существо, подобное женщине с рыбьим хвостом, наблюдают в реке Сицзян (автор колеблется, отнести ли его к рыбам или к людям: «неясно, был то человек, превращенный в рыбу, или рыба, превращенная в человека»).

Таким образом, сюжеты рассказов и заметок о животных в «Записях об изучении духов» Сюй Сюаня можно разделить следующим образом.

1. Сюжеты, которые можно использовать как иллюстрацию принципа воздаяния за дурные и благие поступки, причем реципиентами воздаяния в них бывают и люди, и животные.

2. Есть группа рассказов, где животные совершают некие поступки (доброжелательные, вредительские, неясные) по отношению к людям, о последствиях которых ничего не сказано. Соответствующих рассказов о людях нет. Другими словами, если человек предпринимает некие действия по отношению к животному и Сюй Сюань берет на себя труд описать эти действия, то он возьмет на себя и труд описать их последствия.

3. Многообразны рассказы о явлениях животных, знаменующих будущие войны, перемещения по должности, смерть и т. д. Сюда же следует отнести сюжеты о животных — кладах-оборотнях и животных-талисманах.

4. Следует выделить также сюжеты о животных, которые не взаимодей-

ствуют с людьми, внезапно появляясь и исчезая перед глазами изумленных наблюдателей. В двух случаях люди становятся свидетелями хищного поведения животных, никак не затрагивающего сферу человеческого.

Особенности мировоззрения Сюй Сюаня

Соотношение буддийских и конфуцианских элементов в мировоззрении Сюй Сюаня, как видно по данным этого краткого анализа, в высшей степени характерно для периода Пяти династий — начала правления Северной Сун. Не будучи истовым буддистом, Сюй Сюань тем не менее делает акцент на рассказах о воздаянии. Но воздаяние грозит не тому человеку, что просто поел мяса или был причиной смерти животного, а тому, кто, например, не зная умеренности, всю жизнь поедал курятину и к тому же был жестоким человеком («Куриный колодец», цз. 1, № 19; «Богач из Хэфэя», цз. 8, № 26), или упомянутому выше монаху, который без нужды уничтожил дождевых червей при постройке храма. В прозе, написанной буддистами, такие компромиссы и мягкость не были часты [Ван 1998; Алимов 2013; Pu 2014]. Здесь сыграли свою роль конфуцианские представления об умеренности и уместности.

Органичное включение буддийских элементов в конфуцианское мировоззрение и соединение некоторых элементов буддийской онтологии (в данном случае учения о карме и сансаре) с конфуцианской этикой представляют собой предвосхищение того, что совершилось в раннесунской философии. Сюй Сюань был одним из образованных конфуцианцев, подходивших к буддизму не только терпимо, но и творчески, и тем самым создавших почву для появления неоконфуцианства.

Однако верой в стройность мира, подчиненного сети причинно-следственных связей, дело не ограничивается. Об этом говорит хотя бы небольшая, но все же достаточно представительная группа рассказов, где явные грехи (пусть и совершенные животными) никак не караются: она не близка буддийской идеологии, но точно так же противна и конфуцианской. Доля рассказов, описывающих явные несправедливости природного мира, искажения в ткани бытия, абсурдных и непобедимых чудищ в китайской литературе и, видимо, в фольклоре имела явную тенденцию к увеличению в тяжелые для страны периоды раздробленности и гражданских войн.

Все, что касается явлений животных, предвещающих счастье или несчастье, есть часть древнекитайских представлений о «взаимном отклике Неба и человека», прочно усвоенных официальной идеологией со времен династии Хань. Уверенность во взаимном соответствии природы и социума, наполненности мира знаками, указывающими на будущее и настоящее, тоже восходит к ханьским временам. Позже она несколько подзабылась: в эпохи Вэй – Цзинь, например, ханьская любовь к предсказаниям и предвестиям казалась несколько дискредитировавшей себя;

позже, при династии Тан, прозаиков тоже интересовали знамения, но они чаще привязывали их к историческим событиям всекитайского значения. Старая надежда на отклики Неба, проявляющиеся постоянно и повсюду, вернулась к эпохе Пяти династий. Мир насыщается мелкими знаками, дающими опору и указывающими на будущее, во времена, когда империя рушится и надежных вещей остается очень мало.

* * *

Большая часть рассказов из «Записей об изучении духов» была услышана, по всей видимости, от людей, социально близких автору; тем не менее во время своих странствий он уделял внимание и тому, что сообщали слуги и другие простолюдины. Рассказы записаны в разных районах Китая, большая часть — в местах, расположенных в нынешних Аньхое, Чжэцзяне, Цзянсу, особенно много — в Янчжоу (тогда Гуанлине) и его окрестностях. В будущем было бы целесообразно сопоставить отобранные Сюй Сюанем сюжеты с теми, что были отобраны другими авторами примерно той же эпохи в том же географическом поясе.

Животный мир для автора «Цзи шэнь лу» представляет собой самую репрезентативную часть мира природного. Рассказов, посвященных животным и их взаимоотношениям с людьми, в книге значительно больше, чем посвященных растениям, минералам или атмосферным явлениям. Отбор сюжетов свидетельствует о том, что в наибольшей степени автора занимали, во-первых, вопросы причинно-следственной связи в этической и природной сфере, а также и случайные флуктуации мировых процессов, выпадающие из цепи причин и следствий; во-вторых, механизмы реакции Неба на несправедливости и нарушение природного баланса; и, в-третьих, способы узнавания ближайшего будущего по наглядным знакам.

Ниже публикуется наш перевод некоторых рассказов о животных из «Записей об изучении духов».

Цзюань 2

1. Фиолетовый камень

В Цзиньани есть Восточная гора. Дровосек по фамилии Чэнь не раз видел в горах фиолетовый свет, бьющий в небо. Он стал наблюдать за этим явлением и в конце концов увидел большого оленя. Свет лился у него изо рта. Дровосек поставил силки и поймал этого оленя, взрезал ему брюхо и нашел там фиолетовый камень, круглый и блестящий, будто жемчужина. Он сохранил его как драгоценность, и семья его с тех пор стала богатеть.

Шло время. Внук Чэня оказался человеком распущенным и любил выпить. Однажды он, пьяный, вертел в руках жемчужину, решил, что камень не может обладать чудесными свойствами, и разбил ее. С тех пор Чэни обеднели.

2. Ян Май

Министр по делам житниц Ян Май в юности любил поохотиться и рассказывал об одном случае, который произошел, когда он жил в Чанъани. Увидев прыгающего в траве зайца, он пустил за ним сокола. Сокол, заметив зайца, бросился вниз, чтобы схватить его. Но на земле никого не оказалось. Ян Май позвал сокола обратно на нарукавник, прошел несколько десятков шагов, обернулся и снова увидел зайца. Он снова спустил сокола, и снова ничего не вышло. И так трижды. Тогда он велел скосить вокруг траву, чтобы отыскать зайца. Нашелся только заячий скелет.

Значит, то был призрак зайца.

3. Человек из Шучжоу

Один человек из Шучжоу отправился в горы Цяньшань. Там ему попалась большая змея. Он ударил ее и убил. Рассмотрел змею — а у нее ноги. Это его так удивило, что он взвалил ее на спину и понес с собой, чтобы всем показать. По дороге он встретил нескольких служащих из уезда и сказал им: «Я убил эту змею, и у нее четыре лапы». Но уездные ничего не увидели и спросили: «Где ты?» Он ответил: «Перед вами, вы что, не видите?» Бросил змею наземь — и стал видим. Оказалось, что всякий, кто поднимал эту змею, исчезал. Решив, что все это слишком странно, там ее и оставили. Замечу: вот змея — при жизни не могла стать невидимкой, а по смерти смогла делать невидимками других. В этом есть глубокий смысл.

4. Цзя Тань

Цзя Тань, начальник военного министерства в Ложном У, рассказывал о своем знакомом, который был генерал-губернатором в Линнани. Ему как-то достался мандарин с ковш величиной. Он хотел поднести этот мандарин двору, но надзирающий уполномоченный решил, что это необычная вещь, которую не стоит отправлять в столицу, не разобравшись.

Тогда взяли иглу, слегка ткнули в кожуру, и внутри плода что-то зашевелилось. Цзя Тань велел разломать мандарин, и в нем обнаружилась красная змейка длиной в несколько *цуней*[5].

5. Яо Цзин

Яо Цзин, будущий генерал-губернатор Шоучжоу в Ложном У, в юности служил на конюшне у хаочжоуского генерал-губернатора Лю Цзиня.

Однажды Цзинь неожиданно зашел в конюшню и увидел: Цзин только что заснул, а на его лице резвятся две красные змейки, то заползая в нос, то выползая оттуда. Это продолжалось довольно долго, пока Цзин не проснулся; змейки же исчезли. Тогда Цзинь срочно приблизил его к себе, женил на своей дочери и помог ему сделать карьеру.

6. Ван Жэнь

Ван Жэнь ушел в отставку с должности генерал-губернатора Шоучжоу в Ложном У и поехал в Янду на генеральскую должность. Однажды он сидел в присут-

[5] *Цунь* — мера длины, равная 3,2 см.

ствии и разговаривал с посетителем. Вдруг с потолка упала красная змейка и поползла к Жэню. Жэнь велел накрыть ее тазом. Через некоторое время таз подняли, чтобы посмотреть на змею, но из-под него вылетел лишь нетопырь.

В том же году Жэня пожаловали должностью государственного советника.

7. Человек из Аньлу

Человек из Аньлу по фамилии Мао умел есть ядовитых змей, запивая вином. Он отправился в Цианьь, а оттуда — в Юйчжан и постоянно демонстрировал свое искусство укротителя змей на рынках, зарабатывая на жизнь попрошайничеством. Так прошло десять с лишним лет.

Как-то раз некий продавец хвороста плыл из Пояна в Юйчжан и остановился на ночлег у подножия горы Хуанпэй. Ему приснился старец, который сказал: «Передай от меня змею укротителю Мао из Цзянси». Когда же он прибыл к воротам Гуаньбумэнь в Юйчжане, стал продавать свой хворост и почти весь распродал, оказалось, что у борта свернулась змея иссиня-белого цвета. Он дотронулся до нее, но она не пошевельнулась. Только тогда торговец понял значение своего сна. Он отнес змею на рынок, нашел Мао и отдал ему.

Мао сразу захотел заставить ее развернуться, ткнул, а она укусила его за палец. Мао невольно вскрикнул, споткнулся, упал и умер. Вскоре его тело разложилось. А змея пропала неизвестно куда.

8. Едящий тигров

Те, кто сажают просо в горах Цзяньани, устраивают себе шалаши на высоких деревьях, чтобы не попасться тигру. Однажды некто забрался в шалаш и тут увидел тигра, который приближался весьма быстро, опустив голову и наступая себе на хвост. Внезапно появился другой зверь, похожий на тигра, но немного меньше. Он шел по следам тигра. Затем из бамбуковой рощи послышался громоподобный рев. Через некоторое время все стихло. На следующий день пошли посмотреть: тигр был съеден почти полностью, осталось только несколько костей.

9. Бьет плетью быков

Некий житель Цзинкоу вышел из дома поздно и увидел, что у подножия горы Шигуншань, у берега Янцзы возятся на мелководье два синих быка, у обоих брюхо и морда красные. Рядом с ними стоял некий старец в белом ростом в три *чжана*[6], с плетью в руке. Через некоторое время старец заметил, что рядом кто-то есть, и плетью загнал быков в реку. Сам же он подпрыгнул вверх, вдруг стал как-то выше ростом, шагнул — и оказался на вершине Шигуншани, а после пропал из виду.

10. Старушка Ван

В Гуанлине жила старушка Ван. Проболев несколько дней, она вдруг сказала детям: «Когда я умру, то обязательно рожусь теленком в семье Хао в Сиси. Найдите меня и выкупите. Вы узнаете меня по иероглифу “Ван” в подбрюшье». И вскоре умерла. Сиси — это название местности к западу от Гуанлина. В доме у тамошнего простолюдина по фамилии Хао родился теленок, у которого на брюхе виднелся иероглиф «Ван» из белых волосинок. Дети нашли его, выкупили за пять кусков ткани и забрали домой.

[6] *Чжан* — мера длины, равная 3,2 м.

11. Чэнь Чжан

Хуайнаньский генерал Чэнь Чжан, когда его пожаловали должностью государственного советника, был по этому поводу на приеме во дворце. В то время у власти был Ли Бянь. Он сказал Чжану: «Я вас поздравляю, а еще хотел бы посватать дочь в вашу семью. Поезжайте домой, а я буду следом». Чжан отправился домой на рыжем коне. Посередине пути конь оступился и упал. Вскоре прибыл Бянь, и Чжан вышел ему навстречу, хромая. Бянь посидел у него в гостях немного и почти сразу удалился.

Чжан позвал коня и стал ему выговаривать: «У меня сегодня был прием по случаю получения новой должности, да еще мы чуть не сговорили невесту, а ты сбросил меня в такую минуту. Скотина! Убивать тебя жалко. Увести его и не давать сена, пусть подохнет с голоду». Тем вечером конюх тайком задал коню корма. Конь же только посмотрел на сено и до самого утра не притрагивался к нему. Не ел он и потом, и так несколько дней. Конюх доложил об этом хозяину. Тогда Чжан снова позвал коня и сказал: «Раз ты понимаешь, что виноват, я тебя прощаю». Конь взбрыкнул и убежал. Тем же вечером он стал пить и есть, как прежде. Потом Чжана отправили правителем области в Сюаньчэн. Когда срок службы кончился, он вернулся домой и умер. Через месяц конь жалобно заржал и тоже умер.

12. У Цзунсы

Военный уполномоченный У Цзунсы дал в долг одному служащему своей управы двести тысяч под ежемесячные проценты. Через год этот служащий перестал выплачивать долг, к нему посылали за деньгами, но безуспешно. Цзунсы разгневался, призвал его к себе и сказал: «Если я что-то был должен тебе в прошлой жизни, то, считай, уже вернул. А ты, за то, что подвел меня, должен стать ослом или лошадью и расплатиться со мной». Сжег расписку и выгнал должника.

Через год Цзунсы сидел в присутствии в одиночестве. Вдруг к нему явился тот служащий, весь в белом, и сказал: «Я пришел вернуть долг». Цзунсы ответил: «Расписка сожжена, зачем?» Но тот не отвечал и прошел прямо в конюшню. Вскоре из конюшни пришли доложить, что кобыла родила белого жеребенка. Уполномоченный велел зайти к должнику домой и справиться о нем; но оказалось, что он умер накануне. Жеребенок вырос, его продали и выручили ровно столько денег, сколько тот человек был должен Цзунсы.

13. Сунь Ханьвэй

У Сунь Ханьвэя, уполномоченного цзяннаньской императорской гвардии, в конюшне был конь, у которого каждую ночь светилось место над хвостом, будто полыхало огнем. Остальные кони ржали в испуге. Ханьвэй решил, что это оборотень, выхватил меч и отрубил ему голову. Через несколько месяцев его сняли с должности правителя области в Лучжоу.

14. Тан Даоси

Когда Ван Цзянь провозгласил себя императором в Шу, то назначил своего фаворита Тан Даоси главой тайного совета. Этот Тан Даоси однажды летом был у себя дома. Начался сильный дождь. Его домашняя кошка стала плескаться под струями воды, стекавшими с крыши. Даоси наблюдал за ней и увидел, как она потихоньку стала расти, вот дотянулась до карниза передней лапой…

Вдруг раздался гром, сверкнула молния, кошка превратилась в дракона и улетела.

15. Торговец уксусом

В Цзянькане у А., торговца уксусом, была красивая и здоровая кошка, которую он очень любил. В шестой месяц года под знаком синь-хай кошка умерла, но А. было жаль выбрасывать ее, и он положил ее рядом со своим ларьком. Через несколько дней тело разложилось, запах стал невыносимым, и торговец отнес его к реке Циньхуай и бросил в воду.

Погрузившись в воду, кошка тут же ожила, А. бросился в воду спасать ее и утонул. Кошка же выбралась на берег и ушла.

Приказчик из «Золотого ворона» поймал ее и посадил на цепь в лавке, запер дверь и пошел рассказать о случившемся в управу. Он собирался предъявить кошку в качестве доказательства, но, когда вернулся, оказалось, что кошка порвала привязь, прогрызла стену и скрылась. Больше она не показывалась.

16. Человек из Цзянькана

Один цзяньканец ел рыбу и бросал рыбьи головы на пол. Вдруг из норы в стене выехал всадник в доспехах ростом не более *чи*[7]. В руке у него была пика. Он наколол на пику рыбью голову и ускакал в нору. Так повторилось несколько раз. Раскопали землю, чтобы посмотреть, в чем дело, и увидели крупных мышей, и рыбьи головы были тут же. Еще там лежала палочка для еды, но ни доспехов, ни лошадей найти не смогли. Вскоре тот человек умер.

17. Лу Сун

В доме у прислужника в храме императорских предков Лу Суна зазвенел котел, а мыши, которые поселились под очагом, заплакали человечьими голосами. Тогда он принес жертвы очагу. Пять больших мышей из-под очага, каждая цвета, положенного одной из стран света, съели всю жертвенную еду и снова залезли под очаг. В том же году Суна назначили на вакансию помощника уездного начальника в Синхуа, и больше ничего странного не произошло.

18. Чай Цзайюн

Военный уполномоченный в Лунъу по имени Чай Цзайюн однажды сидел в одиночестве в присутствии, опершись на столик. Вдруг к ступеням у входа в зал подошла мышь, встала на задние лапки и, сложив передние, поклонилась Цзайюну, будто бы учтиво приветствуя его. Цзайюн рассердился, позвал подчиненных, но никто не шел. Тогда он поднялся с места и сам побежал к мыши, но она ушла, а потолочная балка в зале сломалась, и кресло, на котором он сидел, вместе со столиком были раздавлены в щепки.

Впоследствии Цзайюну довелось быть генерал-губернатором в трех местах: в Лучжоу, Эчжоу и Сюаньчжоу.

19. Су, помощник губернатора

Су, помощник губернатора, поселился в Цзинкоу в доме с привидениями. Жена попросила его отказаться от этого. Су сказал: «Тебе не нравится этот дом? Тогда я один стану жить в нем, непременно». В первую же ночь тридцать с лишним человек, каждый ростом в *чи* с лишним, в даосских шапках и одетые в сермягу, пришли выразить ему свое почтение. Они сказали Су: «Это наше жилище, уходите скорее, сударь,

[7] *Чи* — мера длины, равная 0,34 м.

а то не было бы вам беды». Су в гневе, сжимая в руке посох, погнался за ними. А человечки вошли в бамбуковую рощу за домом и исчезли. Он раскопал землю на том месте, нашел тридцать с лишним белых мышей и убил их. С тех пор в доме не чудило.

20. Лу Шу

Цензор Лу Шу рассказывал, что его родственник, правитель округа в Цзяньчжоу, однажды летней ночью один вышел из спального покоя, чтобы полюбоваться луной во дворе. Только он вышел за двери, как вдруг услышал, что к западу от входа в гостиную будто бы кто-то беседует и смеется. Он подкрался, глянул потихоньку: семь-восемь человечков в белом, каждый ростом меньше *чи* — и женщины, и мужчины сидят вперемешку и пьют вино; стол, циновки, посуда — все было на месте, только очень маленькое.

Они пировали довольно долго, когда один из них сказал: «Вот нам сегодня так весело, а что мы будем делать, если придет Белый старец?» Сотрапезники стали кричать, чтобы он замолчал. Через минуту все сидевшие бросились в сточную канаву и пропали.

Прошло некоторое время, и окружное начальство сменилось. У нового правителя был кот по имени Белый старец. Как только его привезли во двор, он сразу же поймал под ступенями западного входа в гостиную семь или восемь белых мышей и убил их.

Цзюань 3

26. Ли Цзун

Это случилось, когда окружным начальником в Чучжоу был Ли Цзун.

По улице шла буддийская монахиня и вдруг — села на землю. Сдвинуть ее с места никак не получалось. Так, не принимая пищи и не говоря ни слова, она просидела несколько дней.

Чиновники доложили об этом Цзуну. Тот приказал воинам поднять монахиню и раскопать на том месте землю. В земле нашли черепаху длиной в несколько *чи*. Черепаху унесли и положили в воду. Тогда монахиня очнулась.

Цзюань 4

6. Ши Бянь

Ши Бянь, который служил в Лучжоу надзирающим над армейскими посевами, некогда, пользуясь служебным положением, отнял несколько десятков *цинов*[8] крестьянской земли, а хозяина заставил обрабатывать ее и не разрешил ему забирать долю урожая.

Через несколько лет Бянь умер, а у того крестьянина корова родила теленка с белым пятном в несколько *цуней* в подбрюшье. Бычок рос, и пятно становилось все больше похожим на какие-то знаки. Меньше чем через год шерстинки четко выстроились, образовав иероглифы «Ши Бянь». Даос Шао Сюмо видел этого бычка своими глазами.

10. Чжу Цунбэнь

Это случилось с полководцем Чжу Цунбэнем, когда он служил при Ли Юе — генерал-губернаторе Сюаньчжоу.

[8] *Цин* — мера площади, равная примерно 5 га.

Чжу Цунбэнь держал ручную мартышку. Ночью конюх встал, чтобы покормить коней, и увидел некое существо, напоминающее осла, покрытое черной шерстью, но с руками и ногами, как у человека. Сидя на корточках, оно поедало мартышку. Увидев, что кто-то идет, бросило ее — а уже половина была съедена. На следующий год Чжу был казнен вместе со своими родственниками.

Старожилы Сюаньчэна рассказывали, что в области давно уже было это чудище. Оно появляется каждый раз, когда в крепости бывают перемены, а когда появляется, то вонь стоит по всему городу.

Перед поражением Тянь Цзюня[9] оно вышло на улицы. Ночной патруль видел его, но не решился прогнать, а через месяц случилась беда.

14. Господин Яо

Человек из семьи Яо, который служил в Дунчжоу в цзинхайском военном округе, повел слуг ловить в море рыбу, чтобы отправить ее ко двору к Новому году. Было уже поздно, а рыбы они поймали мало. Яо как раз сокрушался по этому поводу, когда в сети попался некий человек черного цвета, заросший длинной шерстью. Он стоял, вежливо сложив руки, и не реагировал на расспросы. Бывший с ними моряк сказал: «Их называют морскими людьми. Когда они являются, это всегда предвещает горе. Прошу, убейте его, чтобы предотвратить несчастье».

Яо ответил: «Это чудесное существо, убить его — не к добру». Велел отпустить волосатого и при этом просил его: «Чтобы я поверил в твою чудесную природу, сделай так, чтобы к нам приплыла стая рыб и у меня не вышло бы промаха по службе». Волосатый человек пошел по воде и через несколько десятков шагов пропал. Назавтра рыбы поймали очень много, вдвое больше, чем обычно в это время года.

26. Старец Лю

В годы под девизом правления Тянью в Жаочжоу жил старец по фамилии Лю. Его часто можно было видеть с удочкой на лодке на реке Поян. Никто не знал, где он живет, есть ли у него семья. Никто также не видел, чтобы он пил или ел. Он знал в подробности все о водяных обитателях и о самых дальних уголках гор и рек. Все рыбаки в Пояне выходили на лов только после того, как являлись к нему на поклон. Когда генерал-губернатором был Люй Шицзао, рыли канаву, обновляя городскую стену. Когда работающие дошли до северной стороны крепости, пошел дождь, прекратили копать — небо прояснилось. Об этом явлении спросили старца Лю. Он отвечал: «Здесь внизу драконова нора. Когда над ней потревожили землю, дракон забеспокоился и выполз из норы. А как он выползает, вот вам и дождь. Если не прекратить копать в этом месте, в конце концов доберетесь до его логова. Тогда пойдет такой дождь, что не миновать беды». Действительно, углубившись еще на несколько *чжанов*, обнаружили большой прямоугольный кусок дерева длиной в несколько десятков *чи*. Стали его обрезать, сняли несколько десятков слоев, когда из-под него ударил пар. Копать дальше было нельзя, и работа прекратилась. От дерева шел тяжелый мясной дух, оно было покрыто узорами, которые не могла изобразить рука человека. С того дня начались обильные дожди, затопившие округу.

[9] Тянь Цзюнь (ум. 903), генерал-губернатор Нинго, чья штаб-квартира находилась в Сюаньчэне, поднял восстание против Ян Синми — владетеля царства У.

Сыновья господина Люя пришли к старцу Лю, перед тем как ставить сети на реке Поян, и старец, указав на некоторое место на южном берегу, сказал: «Сегодня рыба будет только там. Зато там будет и один дракончик». Сыновья Люя не поверили ему, но все же поставили сети в указанном месте и действительно поймали много рыбы. На лодке улов сложили в глиняную корчагу. Среди пойманной рыбы был один длинноусый угорь размером в один или два *чи* с умными и ясными глазами. Он ползал по корчаге кругами, а остальные рыбы следовали за ним. Когда лодка подошла к северному берегу, угорь пропал из виду. Не знаю, что стало потом со старцем Лю.

29. Пчелиные яства

Некий лулинец ехал сдавать экзамены. В пути его застигла темнота, и он попросился заночевать в какой-то деревне. Навстречу студенту вышел старик. «Дом мой тесен, людей много, — сказал он. — Но лежанку для вас найдем».

И студент остановился у него.

Комнат в доме было более сотни, но все маленькие и тесные. Через продолжительное время студент пожаловался, что голоден, и старик сказал: «Семья у нас бедная, так что мы все едим только дикие овощи».

Однако еду выставил, и гость отведал; было очень вкусно и сладко, на обычные овощи не похоже. Когда он стал ложиться спать, отовсюду доносился монотонный гул.

Студент проснулся на рассвете, и оказалось, что он лежит в чистом поле, и рядом — большой улей.

Раньше студент страдал простелом, а после этого случая выздоровел, потому что угостился тем, что осталось от пчелиной трапезы.

32. Ма Сифань

Чуский правитель Ма Сифань перестраивал стену вокруг Чанша, когда вырыли ров, и в нем обнаружилось существо длиной в десять *чжанов* с лишним, без головы, хвоста, рук или же ног, внешне напоминающее земляной холм. Оно вылезло из северного берега, проплыло по воде и через некоторое время заползло на южный берег, где и пропало. На обоих берегах оно не оставило никаких следов. В скором времени Ма умер.

Цзюань 6

13. Бао Хуэй

Однажды Бао Хуэй отправился на охоту. Он зашел далеко в горы и вдруг увидел лежащего под деревом голого отрока, покрытого длинной шерстью. Хуэй решил подстрелить его, но отрок сказал: «Я — горный дух. Не успел от вас спрятаться. Не надо меня убивать! Я помогу вам стать богатым и знатным».

Хуэй воткнул нож ему в рот, и кровь полилась не наружу, а внутрь, в горло. Тогда он добил духа.

А вскоре и сам умер.

Цзюань 8

12. Ма Цзюй

Когда Ма Цзюя назначили в Шаньнань чиновником по надзору за налогами, ему пришлось добираться в Шу, где он никогда не бывал. Недавно кончилась вой-

на, дороги были в запустении, жилых домов в округе не осталось. Однажды вечером он подъехал к некоему подворью и услышал в восточной галерее голоса. Он подошел туда и спросил, нельзя ли переночевать. Ему отвечали: «В средней зале есть кровать, идите устраивайтесь на ночь». Цзюй прошел в среднюю залу. Там была только земляная лежанка. Он попросил огня и услышал ответ: «Огня нет». Попросил циновку, и из соседнего покоя ему бросили циновку весом *цзиней*[10] в десять. Цзюй отличался большой силой и против тяжелой циновки возражать не стал. В полночь некое существо, похожее на обезьяну, поднялось к нему на лежанку. Цзюй стукнул его железной дубинкой, и оно с воплем убежало.

Наутро он стал прощаться, но хозяин в гневе сказал: «Вы прибыли в мое уединенное жилище ночью. Я отправил своего сына составить вам компанию, а вы избили его до полусмерти». Цзюй толкнул двери в комнату хозяина, но не смог их открыть. Он заглянул в щель, но увидел лишь кучу земли на полу.

Впоследствии Цзюй стал тайюаньским военачальником. В конце концов он дослужился до генерал-губернатора Хуайнани.

Литература

Алимов 2013 — *Алимов И. А*. Заметки о сяошо: кратко о «Записях о тьме и свете» Лю И-Цина (403–444) // Asiatica: Тр. по философии и культурам Востока. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 7–27.

Ван 1998 — *Ван Янь-сю*. Предания об услышанных мольбах / Пер. с кит., вступит. ст. и примеч. М. Е. Ермакова. СПб.: Петерб. Востоковедение, 1998.

Гань 1994 — *Гань Бао*. Записки о поисках духов / Пер. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.

Георгиевский 2014 — *Георгиевский С. М.* Мифические воззрения и мифы китайцев / Коммент. и прилож. А. Б. Старостиной. М.: Синосфера, 2014.

Танские 1960 — Танские новеллы / Пер. А. Тишкова и О. Фишман; Предисл. О. Фишман. М.: Гослитиздат, 1960.

Лу 1998 — *Лу Сюнь*. Чжунго сяошо ши люэ [Очерк истории китайской сюжетной прозы]. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1998.

Сюй 1996 — *Сюй Сюань*. Цзи шэнь лу [Записи об изучении духов] / Ред. и коммент. Бай Хуавэнь. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1996.

de Groot 1907 — *de Groot J. J. M*. The religious system of China. Vol. 5. B. 2: On the soul and ancestral worship. Parts II, III. Leiden: Brill, 1907.

Pu 2014 — *Pu Chengzhong*. Ethical treatment of animals in early Chinese Buddhism: Beliefs and practices. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014.

Stories about animals in Xu Xuan's *Accounts of Inspecting Spirits* (X[th] century)

Starostina, Aglaia B.
PhD (Candidate of Science in Philosophy)
Senior Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: abstarostina@gmail.com

[10] *Цзинь* — мера веса, равная примерно 600 г.

Abstract. The article presents an analysis of short stories concerning animals in one of the most famous fiction collections from the Five Dynasties — Early Song era. The author proposes a preliminary classification for the animals as characters in the stories. Several groups of story plots have been defined, depending on types of relationships between animals and human beings. The abundance of stories about retribution and about good and bad omens leads us to conclude that Xu Xuan's eclectic worldview combines Buddhist and Confucian elements.

Keywords: "Ji shen lu", Five Dynasties, folklore, Buddhism, Confucianism, medieval Chinese literature

References

Alimov, I. A. (2013). Zametki o siaosho: kratko o Zapisiakh o t'me i svete Liu I-tsina [Notes on *xiaoshuo*: Brief sketch on Liu Yiqing's *Records of Light and Dark*]. In *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka* [Studies on Oriental philosophy and cultures], 7–27. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).

Fishman, O. M. (Ed.) (1960). *Tanskie novelly* [Tang short stories] (A. Tishkov and O. Fishman, Trans. from Chinese). Moscow: Goslitizdat. (In Russian).

Gan, Bao (1994). *Zapiski o poiskakh dukhov* [Notes about searching for spirits] (L. N. Men'shikov, Trans. from Chinese). St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Georgievskii, S. M. (2014). Mificheskie vozzreniia i mify kitaitsev [Mythic notions and myths of the Chinese] (A. B. Starostina, Comment. and Append.). Moscow: Sinosfera. (In Russian).

de Groot, J. J. M. (1907). The religious system of China (Vol. 5, book 2: On the soul and ancestral worship, parts II & III). Leiden: Brill.

Lu, Xun (1998). *Zhongguo xiaoshuo shi lüe* [A brief history of Chinese fiction]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. (In Chinese).

Pu, Chengzhong (2014). *Ethical treatment of animals in early Chinese Buddhism: Beliefs and practices*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Wang, Yan-xiu (1998). *Predaniia ob uslyshannykh mol'bakh* [Legends of responses to prayers] (M. E. Ermakov, Transl. from Chinese, Intro. and Comment.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russian).

Xu, Xuan (1996). *Ji shen lu* [Accounts of inspecting spirits] (Bai Huawen, Ed, and Comment.). Shanghai: Zhonghua shuju. (In Chinese).

Starostina, A. B. (2016). Stories about animals in Xu Xuan's *Accounts of Inspecting Spirits* (Xth century). *Shagi / Steps, 2*(2–3), 280–298